

Священник
Михаил
ХОДАНОВ

Эстрада и рок, эти два неотделимых ныне друг от друга понятия, осуществляют свою разрушительную функцию в обществе путем упразднения всякого нормального здравого смысла во взаимоотношениях собравшихся людей через песни и рок-баллады, где торжествует нигилизм, алогизм, поток нарко-алкогольного сознания, хаотическое нагромождение отрывистых фраз, разбитый текст.

В общем, как бы там ни было, а именно на такой эстраде работал и творчески общался со своей аудиторией Игорь Тальков. И вот, вместо того, чтобы растлевать нашу несчастную и вконец одурманенную молодежь, вместо того, чтобы пропагандировать со сцены элитаж, глумливость, цинизм и разврат, Тальков стал работать в совершенно ином направлении. Его песни, в отличие от прежней эстрадной баллады и сивушного пошла, несли людям светлую надежду, смягчали сердца, говорили о добрых и вечных чувствах, призывали к активному противостоянию злу и пробуждали сочувствие к миру духовному, к Богу.

В его песнях рок-эстрада и ее душепагубные средства стали как бы выворачиваться наизнанку.

Но здесь-то, на наш взгляд, и таилась самая большая опасность.

Противопоказано, с церковной точки зрения (для нас, христиан, единственно правильной и безукоризненной), говорить о духовном на волне эмоционального накала и взвинченности, крика, душераздирающих звуков и какофонии музыки битников — всего того, что составляет внутреннее и сущностное начало рок-музыки.

Незадолго до гибели Игорь Тальков уделял повышенное внимание гражданской тематике — его песни открыто обличали «перестроечных комсоргов», задавали нелицеприятные вопросы, призывали к сопротивлению лжи.

...Вот группа Талькова начинает исполнять песни «Россия», «О бывшем подьесауле» или «Покажите мне такую страну» (в то время как другие эстрадники в борьбе за своего слушателя предпочитают что-нибудь типа: «Гоп стоп! Мы подошли из-за угла!» или: «Ах, море, зелье приворотное, / Кипит изменюю душа!» и прочий уже набивший оскомину приклатненный шлягер):

«...Но природа мудра, / И Всевышнего глаз / Видит каждый наш шаг / На тернистой дороге / Наступает момент, / Когда каждый из нас / У последней черты / Вспоминает о Боге...»

«Покажите мне такую страну, / Где детей заражают, / Где солдат заставляют стрелять / В женщин и стариков. / Покажите мне такую страну, / Где святых унижают, / Где герои — ветераны войны / Живут хуже рабов... / Покажите мне такую страну, / Где заколочены храмы / Где священник скрывает под рясой кагэбэшный погон...» (И такое было. Власть, стремившаяся уничтожить Православие, вполне естественно использовала все свои колоссальные агентурные возможности для проникновения в церковные структуры. — М.Х.)

Укажем еще раз, что вся специфика эстрадного действия применительно к молодежной аудитории заключается в том, чтобы максимально «раскачать», «завести», «раскрутить» праздную публику, заставить ее «тащиться» и «отрываться в натуре», выпустить наружу всю свою темную энергию и направить ее куда-нибудь вовне — рушить ряды кресел, бить охранников порядка, а потом идруг друга, увечить вагоны электрички при возвращении домой, совершать тут и там акты насилия. А стратегическая его цель — сделать ненавистными для юноши и девушки самую мысль о выполнении заповедей Христовых, дарующих страх Божий, добрую нравственность и наказующих всякого рода зло и произвол низменных страстей.

А тут — возникает совершенно противоположный эффект, и сердце трепещет от щемящей ностальгии по героике белогвардейского движения, а главное — формируется убедительная апология бытия Божия. Публика после такой песни поневоле начинает превращаться в думающих людей с правильными симпатиями и антипатиями.

Или возьмем другой сюжет — в зале звучит песня Талькова, с которой он и отошел впоследствии в мир иной — туда, где всякая жаждущая правды крещенная душа надеется на вечное упоение. Идет 1991 год: «Господин президент, / Разгоните свой конвент. / Преступник Горбачев / От вас по левое плечо / На съезде. / Хватит!»

Сказать такие слова публично в то время (да и сейчас) — настоящая гражданская акция и самопожертвование. В этой песне все

Окончание. Начало в № № 26—27.

конкретно, сжато и предельно обострено. Прослушав ее и дойдя до состояния экстаза, зрители — тем более, что они представляют собой молодежь, которую во всем мире именуют радикальной, — начнут искать эмоциональной разрядки, чтобы снять чувство зрющего протеста. Но вместо видавших виды клубных кресел и многострадальных вагонов тех же подмосковных электричек объектами массового недовольства вполне могут стать уже банки и телестудии, казино и притоны, теневики и журналисты.

Да, выпущенная на улицу и социально ориентированная толпа молодежи готова поначалу крушить на своем пути все что угодно — об этом свидетельствуют сегодня, в частности, хулиганствующие фаны «Спартака», «Динамо» и «ЦСКА». Но в поведении этих

ри, что и упорные попытки наших современных доморощенных «православных» неоповленцев перевести текст богослужения Русской Православной Церкви с церковнославянского на русский. Это всегда так: поначалу — требования «модернизации» языка, обрядов; потом на очереди встает задача сокращения времени службы и упразднения поста и исповеди, а затем, наконец, появляются «долгожданные» отечественные «рок-месссы» с «клиром» уже ни по внешнему виду, ни по поведению не будут ничем отличаться от какой-нибудь буйствующей эстрадной рок-группы.

Верующая и ищущая Бога часть молодежи на Западе, болезненно реагируя на фальшь и ложь в религиозной упаковке (вдо-

ние поэта, который открыто творил крестное знамение на сцене перед многотысячной молодежной аудиторией, пел с любовью и болью о Родине («Родина моя / Нища и нема...») и исповедовал Иисуса Христа своим идеалом для подражания. Что ж, время когда-нибудь обязательно снимет завесу и с этой тайны.

Рассуждая по-церковному о поэте и певце Игоре Талькове, хочется от души посоветовать православным читателям не подходить к нему со строгими мерками, предназначенными для благочестивого семинариста или для человека, с детства жившего в строгой православной традиции.

Игорь Тальков был светский человек и формально принадлежал к самой что ни на есть представительной, труднодоступной

НЕ ДОПЕВ КУПЛЕТА...

Лит. Россия. — 1998. — 10 июля. — с. 4

Феномен Игоря Талькова

болельщиков — аморалка с налетом уголовщины, а вот тысяча-другая молодых людей, у которых в памяти гремит «преступник... по левое плечо», — куда они пойдут по окончании концерта? Страшно и подумать. Не исключено, что направятся напрямик в «Горбачев-фонд», который, как утверждают некоторые источники, деятельно озабочен формированием новой мировой религии. Хотя тогда его, фонда, кажется, еще и не было. Но это в данном случае не важно — важен сам принцип.

И все же проблема протеста против лжи в таком виде остается навсегда нерешенной. Какими бы мощными техническими и психическими средствами воздействия ни обладал феномен эстрады, все равно — его сущность, как уже было сказано, антиатеистическая и inferнальная, то есть дьявольская (поскольку будоражит в нас плотское и греховное, агрессивное и разрушительное), а толпа — пусть даже и хороших людей — все равно есть толпа, соединенная временным стадным чувством, и пар из нее (даже если он и социальный) все равно быстро выйдет, улетучится, люди побегут по улицам, поколбродят малость и разойдутся, разбив, быть может, «для порядка» пару-другую витрин каких-нибудь зланных ночных заведений.

Поэтому рок-эстрадные средства, пригодные лишь для того, чтобы довести людей до состояния транса или невменяемости, для настоящей борьбы с беззаконием и для созидания нормального и нравственно здорового общества никак не подходят — стихия рока неминуемо затащит публику обратно.

Не так давно на Западе был создан так называемый «христианский рок» (!) как форма откровенного заигрывания с молодежью (и ее «привлечения» к Богу). Однако затея эта заранее обречена на провал, исходя из уже изложенных в статье рассуждений. Музыканты подменяют пастырей, рок — богослужение, сцена — храм, а контактирующая с певцами аудитория — «молящихся». Ну а звуковые и прочие технотронные средства рока на корню уничтожают самую возможность молитвы, превратив ее в развеселые или агрессивные «забойные» песни.

Движение «Jesus Rock» наряду с практикой «рок-месс» в ряде западноевропейских стран — Нидерландах, Германии, Швейцарии и Австрии, «религиозные» рок-фестивали, — все это явления из одной и той же се-

бавок ко всем прочим своим искушениям), уже почти совсем не ходит в храмы.

Сегодня в Западной Европе можно лицезреть следующую удручающую картину: какой-нибудь модернистский храм, где еще вчера под сводами бойко разносились песни рок-команды (вместо церковного хора), становится пустым и заброшенным, исчезает соответственно платежеспособность за аренду помещения — и вот храм, по всем законам капиталистического рынка, идет с молотка на аукционе, и новый циничный и расчетливый владелец берет и устраивает в нем либо бассейн, либо выставку мотоциклов, либо еще что-нибудь в стиле «Союза безбожников» тов. Ярославского-Губельмана. Такой вот бесславный конец бывает у некоторых нынешних «инициатив», уводящих нас все не в «светлое» будущее, а в мрачное прошлое типично советского образца.

Игорь Тальков, по существу, выступил против идеологических законов эстрадного рок-жанра и стал неформальным социально-политическим лидером на неформальном же молодежном уровне. Однако в этой борьбе он поневоле использовал запрещенное оружие дьявола — рок, который ни при каких обстоятельствах не может быть нами задействован в добрых и созидательных целях, будучи принципиально разрушительным.

В духовном смысле именно эстрада и ее демонизированные в своей основе содержание и структуры (воплощенные и в безжалостном циничном теновом бизнесе, для которого эстрада — это всегда гарантированная сверхприбыль) способствовали его трагической гибели.

А с гражданской точки зрения его голос и «прорабам перестройки», должно быть, казался слишком громким, а патристическое влияние и личная независимость на фоне стремительно углубляющегося всеобщего космополитизма и ломки национальных границ — попросту опасными и не вмещающимися в рамки стратегии «нового мирового порядка» на российский уровень.

Все это и привело к предательскому выстрелу в сердце из-за угла.

Божья кара неминуемо настигнет (если уже не настигла) скрывшегося исполнителя. Но кто стоял за преступником и готовил это убийство? — вот вопрос. Ведь что бы там ни говорили, а выстрел в Талькова произошел, конечно же, не случайно — он стал отъемом со стороны идеологии новой формирующейся системы на усилившемся влия-

для простого человека и пользовавшейся огромной популярностью эстрадной элите. Но фактически в его душе и творчестве, лишенном духа конформизма, активно раскрылось мужественное и непримиримое к общественному и духовному беззаконию начало, исток которого — всегда в Боге, заповедавшем нам чистоту, совершенство и святость.

Зная о душевных страданиях поэта, таланте и поисках его деятельного приложения, Бог, по всей видимости, допустил Талькова все-таки именно до эстрады, чтобы тот использовал ее сцену максимально возможным образом через личное самопожертвование и заговорил (вспомните его кредо, прозвучавшее по этому поводу в песне «Сцена»: «Я дошел до тебя, / Вот стою и пою наконец-то. / И уверен, что занял по праву свободное место. / Ну а происки слуг приспосабливай / Не страшны нам с тобою сегодня. / Наше время пришло. / Да поможет нам сила Господня!») с погибающей во грехе молодежью на понятном для нее языке, меняя одновременно ей при этом нравственные и социальные ориентиры, приучая серьезно думать о настоящем смысле жизни.

Конечной целью такого творчества была подготовка сознательного исхода молодежи из Египта порабошающей ее сознание современной псевдокультуры и, в конечном счете, самого рока и эстрады. Такой был, насколько можно смиренно об этом судить, замысел Бога о поэте. Поэтому должно сказать сегодня с определенным основанием, что Талькова коснулась в свое, означенное свыше время таинственная благодать Божия, призвавшая его к подвигу, и он как мог и в той мере, в какой понял свое предназначение и удел, подспудно служил Господу и во время концертов почти всегда жертвовал собой ради ближних своих — вплоть до смерти.

Смерть стала для поэта поистине мученической — за правду, за обличение зла и за незаурядное гражданское мужество. «Никогда ничего не бойтесь», — часто говорил он, обращаясь во время выступлений к зрителям и ободряя их...

Страдания умерших в мучениях за правду и за други своя имеют великую цену в очах Божиих. Ими страдалец омывает много грехов своих и создает в обществе здоровую духовную закуску для прихода иных неустрашимых исповедников и борцов для противостояния беззаконию.

Поэт подспудно шел навстречу Церкви и возлюбленному им Христу. В подражание Ему он стремился жить честно, открыто и прямо (и уже отчасти жил — через сопротивление тому темному миру, который смыкался вокруг него), не идти на компромиссы с совестью (и не шел — например, в вопросе по обвинению его представителями массовой культуры в «антисемитизме» только за то, что в песне «Россия» он использовал в негативном смысле слово «иуды», размышляя о катастрофе 1917 года. Поэт не испугался этого огульного обвинения, сведшего когда-то в могилу многих невинных россиян при русофобствующем классическом большевизме 20 — 30-х годов...)

Он искал правду в той России, которую мы самым преступным образом потеряли. А высшим идеалом для него всегда оставался Господь наш Иисус Христос.

Трагической гибелью закончился его непростой земной путь.

Крещенный в Святом Православии, он имеет отныне непостыдную надежду нашими устами молить угодников Божиих, которых он не всуе поминал в песне «Родина моя», чтобы Господь был милостивым к нему на Страшном Суде и простил его человеческие прегрешения — за то, что поэт, несмотря на молодость, сумел возлюбив много и пострадал ради возрождения свободной и Православной России.

P.S. В московском музее Талькова (Центр славянской письменности и культуры) — много книг отзывов за разные годы. Все они заполнены словами неподдельного тепла и благодарности. Большинство оставивших и оставляющих до сих пор свои записи — юноши, девушки и подростки.

Востину за Игоря есть кому молиться.